

Шэнь Цзяци очнулась и, прислонившись к изголовью кровати, долго сидела в полной тишине. Картины из только что увиденного сна отчетливо стояли перед глазами. Она застыла, уставившись в потолок, и в мягком лунном свете, проникавшем сквозь окно, ей словно вновь почудились слезы родителей.

Она вспомнила, как на следующее утро сама признала свою детскую наивность, ни словом не обмолвившись о том, что видела и слышала накануне. Но как ее бегающий взгляд мог укрыться от Шэнь Чанфэна? Он словно что-то понял и улыбнулся — улыбкой отца, чье сердце наполнилось тихой радостью.

В глазах Шэнь Чанфэна заблестели слезы. Он сглотнул подступивший к горлу ком, присел перед дочерью на корточки и, погладив ее по голове, произвел:

— Оказывается, наша Цзяци повзрослела, научилась сопереживать! Умница!

Шэнь Чанфэн сдержал волнение и, коснувшись ее бровей, вдруг осознал, как сильно выросла его девочка. Он медленно заговорил:

— Цзяци, есть вещи, о которых я тебе не рассказывал, потому что для тебя это было бы слишком жестоко. Но как отец, я всегда хотел, чтобы ты знала: у каждой страны есть свои герои. И неважно, наша это страна или чужая, те, кто отдает жизнь за других, достойны нашего глубочайшего почтения.

Шэнь Цзяци кивнула, но, взглянув на бинты у него на шее, тут же судорожно замотала головой:

— Но я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось... Не хочу, чтобы ты умер! Если ты умрешь, что мне делать? А маме? Столько людей могут пойти вперед, почему этим человеком должен быть именно ты?

Шэнь Чанфэн глубоко вздохнул. Он не смел смотреть дочери в глаза, потому что не мог ответить на этот вопрос, да и не решился бы.

Он был не в силах дать ей исчерпывающий ответ, а пообещать что-то просто так — тем более.

Тот, кого другие считали суровым инструктором с каменным лицом, сейчас оказался не в состоянии ответить на столь простой вопрос.

Шэнь Чанфэн поднялся, вытер слезы с лица Шэнь Цзяци и притянул ее к себе:

— Верные сыны отечества покоятся в любой земле, и в этом мире всегда кто-то должен делать первый шаг... Если никто не осмелится пойти вперед, я готов стать этим человеком. Даже перед лицом смерти я буду держать голову высоко, ведь мы сражаемся за свою страну! Если

все побоятся сделать шаг, чем мы защитим государство, чем защитим вас?

Шэнь Цзяци все понимала. Она опустила голову, не желая, чтобы отец видел ее слезы, и тихо прошептала:

— Я просто не хочу, чтобы ты умер...

Шэнь Чанфэн усадил ее на диван и, глядя на дочь, которая так и не решалась поднять взгляд, продолжил:

— Цзяци, давай я расскажу тебе одну историю. Подожди немного, я кое-что тебе покажу.

Он поднялся и быстрым шагом направился вглубь дома.

Вскоре он вернулся с деревянной шкатулкой в руках. Бережно, обеими руками, он поставил ее перед Шэнь Цзяци. Шкатулка была безупречно чистой, ее поверхность, словно покрытая лаком, блестела, и на ней не было ни единой царапины.

Шэнь Цзяци невольно потянулась к шкатулке, но тут же вспомнила, что отец всегда строго-настрого запрещал ей к ней прикасаться. Она с недоумением спросила:

— Пап, почему ты ее достал? Ты же раньше запрещал мне даже трогать ее?

Шэнь Чанфэн прижимал шкатулку к себе, поглаживая ее, словно маленького ребенка, которого боишься потревожить.

Он медленно открыл крышку, словно отворяя двери в свои запылившиеся воспоминания.

Внутри лежали лишь пожелтевшие от времени фотографии — и больше ничего. Снимки были бережно упакованы в пластиковые пакеты и отлично сохранились.

Руки Шэнь Чанфэна непроизвольно задрожали. В его глазах стояли слезы, и он едва слышно пробормотал:

— Жизнь никому не дается легко. Если говорить начистоту, моя жизнь... была выкуплена ценой жизни другого человека. Если уж на то пошло, я должен был погибнуть давным-давно, и тогда тебя бы просто не существовало.

Он гладил фотографии, словно вел беседу с теми, кто на них изображен:

— Если бы не ты, меня бы уже не было в живых.

<http://bllate.org/book/20936/2121275>